

Библейско-богословская коллекция
Библиографическая серия

Соколов Н.
ОБ АНГЛИЙСКОМ
ИЗДАНИИ
СОЧИНЕНИЙ
ФЕОДОРА
МОПСУЕТСКОГО

Прибавления к творениям Святых
Отцов в русском переводе, 1883,
XXXI, с. 619-647

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Объ Англійскомъ изданіи сочиненій Θεодора Мопсуэстскаго.

Θеодоръ, епископъ Мопсуэстскій, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей такъ называемой антиохійской школы, пользовался въ современной ему церкви весьма большимъ уваженіемъ. По свидѣтельству Кирилла Александрійскаго „имя его было весьма славно на востокѣ и весьма удивлялись его сочиненіямъ“, а Мелетій, его преемникъ, говорилъ, что его убили бы, если бы онъ сдѣлалъ что нибудь противъ того ученія, которое проповѣдывалъ Θеодоръ. Когда, уже послѣ смерти Θеодора, зашло дѣло объ осужденіи его и его сочиненій; на востокѣ, по словамъ Іоанна Антиохійскаго, поднялась сильная буря. Восточные епископы заявляли, что они изберутъ лучше быть сожженными, чѣмъ анаѳематствовать принадлежащее Θеодору. Въ письмѣ своемъ къ Проклу, епископу Константинопольскому, и въ прошеніи къ императору, они отзывались о Θеодорѣ, какъ о мужѣ, блиставшемъ въ продолженіе сорока пяти лѣтъ своимъ ученіемъ, испровергавшемъ всякую ересь и никогда въ жизни не допускавшемъ никакого отступленія отъ православныхъ. Они свидѣтельствовали, что онъ написалъ десять тысячъ книгъ противъ ересей и, по причинѣ данной ему благодати ученія, всегда пользовался удивленіемъ, высшимъ почетомъ и прослав-

леніемъ со стороны всѣхъ священныхъ лицъ, а также уваженіемъ въ глазахъ императоровъ и народовъ. Такою высокою репутаціей Θεодоръ обязанъ былъ главнымъ образомъ именно той благодати ученія, — чрезвычайно плодотворной писательской дѣятельности, какую онъ удивлялъ своихъ современниковъ, являясь въ ней достойнымъ воспитанникомъ такихъ видныхъ учителей, какъ Ливаній и Діодоръ. Большую часть своихъ многочисленныхъ произведеній Θεодоръ, какъ истый представитель Антиохійской школы, посвятилъ на изъясненіе Священнаго Писанія. Изъ подъ его пера вышли толкованія: на книгу Бытія, первыя двѣ книги Царствъ, книгу Іова, Псалтирь, Екклесіастъ, большихъ и малыхъ пророковъ, Евангелія отъ Маттея, Луки и Іоанна, Дѣянія Св. Апостолъ и посланія Апостола Павла. Къ этому несомнѣнному списку толковательныхъ трудовъ Θεодора, по изслѣдованіямъ Мая и Фритцше, можно еще съ вѣроятностію присоединить толкованія на остальные книги Пятикнижія, на книгу Іисуса Навина, Судей, Руфъ, третью и четвертую Царствъ, Паралипоменонъ и Пѣснь Пѣсней. Такимъ образомъ почти весь Ветхій и Новый Завѣтъ сдѣлался предметомъ Θεодоровыхъ толкованій и вотъ почему въ восточныхъ церквахъ, особенно въ сирской, къ имени Θεодора Моисеустскаго очень часто прибавлялось: „commentator“ или „interpres χριστοῦ“. Но изъ всей массы толковательныхъ трудовъ Θεодора въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ до насъ дошло лишь одно толкованіе на малыхъ пророковъ. Отъ всего остальнаго уцѣлѣли только отрывки, разбросанные въ компиляціяхъ позднѣйшихъ греческихъ катенистовъ, гдѣ и отыскать ихъ не всегда возможно.

Участь, выпавшая на долю всѣхъ почти экзегетическихъ трудовъ Θεодора, постигла, между прочимъ, и его толкованія на посланія Ап. Павла. Было вре-

мя, когда и въ самомъ существованіи этихъ толкованій изслѣдователь имѣлъ возможность убѣдиться лишь на основаніи немногихъ древнихъ свидѣтельствъ. Внимательно отмѣчалъ онъ напр. приводимыя Факундомъ слова Кирилла Александрійскаго, въ которыхъ ясно говорится объ изъясненіи Θεодоромъ Апостольскихъ посланій. Драгоцѣнными являлись ему случайныя ссылки Факунда или папы Вигилія, такъ какъ онѣ несомнѣнно свидѣтельствовали о существовавшихъ нѣкогда толкованіяхъ Θεодора на посланія Ап. Павла къ Римлянамъ и къ Евреямъ. Дорожилъ онъ наконецъ и свидѣтельствомъ Леонтія Византійскаго, который упоминавъ о Θεодоровомъ толкованіи на посланіе Ап. Павла къ Евреямъ, прибавляетъ что онъ изъяснялъ также и посланія къ Коринѳянамъ и къ Галатамъ. Но въ богословской литературѣ послѣ шестаго вѣка изслѣдователь не находитъ уже ни малѣйшаго слѣда, который бы указывалъ на то, что Θεодоровы толкованія на посланія Апостоля Павла въ то время еще существовали, и чтобы кто-либо изъ писателей ими пользовался. Весьма вѣроятно, что въ пылу ожесточенныхъ споровъ, волновавшихъ церковь въ то время, Θεодоровы толкованія постигла та же участь, какая выпала на долю сочиненій его учителя—Діодора, шестьдесятъ книгъ котораго, по свидѣтельству несторіанскаго митрополита Ебедіезу, были сожжены аріанами. Къ истребленію Θεодоровыхъ толкованій съ одинаковымъ рвеніемъ могли приложить свои старанія и православные и аріане, тогда какъ для ихъ распространенія, напротивъ, обстоятельства вовсе не благопріятствовали. Переписчики не имѣли никакихъ побужденій къ тому, чтобы прилагать свой трудъ къ умноженію экземпляровъ такого произведенія, которое уже подверглось церковному осужденію вмѣстѣ съ личностію самого автора.

Немногія-же сохранившіяся копіи скоро были совершенно вытѣснены изъ употребленія популярными и никакому сомнѣнію не подвергавшимися толкованіями Златоуста и Θεодорита. Въ результатѣ оказалось, что отъ Θεодоровыхъ толкованій на посланія Ап. Павла сохранились лишь тѣ немногіе отрывки, какіе греческіе катенисты успѣли занести въ свои сборники, и едва-ли можно надѣяться, что полный греческій подлинникъ этихъ толкованій когда-либо будетъ найденъ.

Не сохранившееся въ подлинникѣ могло, конечно, уцѣлѣть и дѣйствительно уцѣлѣло въ переводѣ. Θεодоровы сочиненія, осужденныя церковію и преслѣдуемая властію, нашли себѣ радужный пріемъ и убѣжище въ средѣ несторіанъ, которые еще очень рано позаботились перевести ихъ на сирскій, армянскій, персидскій и др. восточные языки. Изъ свидѣтельствъ египетскаго пресвитера Абулбараката и несторіанскаго митрополита Ебедіезу мы узнаемъ, что даже и въ четырнадцатомъ вѣкѣ Θεодоровы толкованія на посланія Ап. Павла существовали и употреблялись въ арабскомъ и сирскомъ переводѣ. Очень можетъ быть, что болѣе близкое и полное знакомство европейскихъ изслѣдователей съ существующими несторіанскими общинами откроетъ когда-либо эти переводы, но пока еще ихъ наука не знаетъ. Когда, такимъ образомъ, и греческій подлинникъ Θεодоровыхъ толкованій на Павловы посланія, и восточные ихъ переводы оказывались недоступными научному изслѣдованію, случайное открытіе нынѣшняго столѣтія дало наконецъ возможность ученому міру познакомиться съ ними въ переводѣ латинскомъ.

Еще въ концѣ семнадцатаго вѣка. Бенедиктинцы, издатели Св. Амвросія въ своемъ предисловіи, между прочимъ, указывали на то обстоятельство, что ма-

нускриптъ, принадлежавшій прежде Корвейскому монастырю, содержитъ въ себѣ толкованія на посланія Ап. Павла, написанныя на латинскомъ языкѣ, при чемъ на посланія къ Римлянамъ и Коринѳянамъ толкованія эти представляются совершенно тождественными съ тѣми, которыя извѣстны всѣмъ подъ именемъ Амвросія. Что-же касается толкованій на остальные Павловы посланія, то въ Корвейскомъ манускриптѣ они представляютъ собою нѣчто совершенно новое, несходное не только съ Амвросіевыми, но и ни съ какими другими изъ извѣстныхъ дотолѣ толкованій. Около половины настоящаго столѣтія кардиналъ Питра занялся тщательнымъ изслѣдованіемъ Корвейскаго манускрипта и пришелъ къ тому убѣжденію, что авторомъ этихъ толкованій должно признать Иларія Пуатьерскаго. Издавая ихъ въ 1852-мъ году, Питра подробно развилъ свою теорію и постарался такъ обставить еѣ всѣми возможными учеными доводами, что приобрѣлъ себѣ и нѣсколькихъ послѣдователей. Скоро впрочемъ оказалось, что теорія Питры была ошибочна.

Въ 1854 году, въ „Deutsche Zeitschrift für christliche Wissenschaft und christliches Leben“ появились двѣ статьи Галльскаго профессора Якоби, въ которыхъ онъ ясно обнаружилъ несостоятельность теоріи Питры объ Иларіи, какъ авторѣ толкованія, съ несомнѣнностію доказавъ, что толкованія эти суть не иное что, какъ переводъ съ греческаго подлинника, а авторъ этого подлинника, принадлежащій, очевидно къ антиохійской школѣ толкователей Писанія, есть не иной кто, какъ Θεодоръ Мопсуэстскій.— Вскорѣ послѣ этого англійскій ученый Гортъ, нынѣ профессоръ Кембриджскаго университета, занимаясь Корвейскимъ манускриптомъ, совершенно независимо отъ изслѣдованій Якоби, пришелъ къ одинаковому-же

съ нимъ выводу относительно того, что авторомъ толкованій долженъ быть признанъ Θεодоръ Мопсуэстскій. Въ 1859 году Гортъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій по этому вопросу въ особой статьѣ, напечатанной въ *Journal of Classical and Sacred Philology*, гдѣ, между прочимъ говорилъ, что на мысль о Θεодорѣ, какъ авторѣ толкованій, навело его отчасти самое содержаніе толкованій, особенно тѣ страницы, которыя изъясняютъ 24—29 ст. четвертой главы посланія къ Галатамъ, а отчасти и свойство самаго текста Павловыхъ посланій, какой употребляется въ толкованіяхъ. Чтобы оправдать свое предположеніе, и Якоби, и Гортъ обращаются, конечно, къ сличенію латинскаго перевода толкованій съ отрывками греческаго подлинника, сохранившимися у катенистовъ и напечатанными у Крамера въ его *Catena Graecorum Patrum*. Такое сличеніе, произведенное изслѣдователями, особенно Гортомъ, съ чрезвычайною тщательностію и во всѣхъ подробностяхъ, какъ нельзя яснѣе доказало полное тожество латинскаго перевода съ его греческимъ подлинникомъ, а потому мысль о Θεодорѣ, какъ авторѣ толкованій Корвейскаго манускрипта, стоитъ уже въ настоящее время выше всякаго сомнѣнія.

Въ послѣдніе годы интересъ къ прежде произведенному открытію снова оживился благодаря тому обстоятельству, что профессору Гарту удалось найти второй списокъ того-же латинскаго перевода Θεодоровыхъ толкованій между манускриптами Гарлэйскаго собранія Британскаго музея. Это открытіе новаго списка даетъ теперь возможность, при помощи сличенія двухъ манускриптовъ, исправить разные ошибки и пропуски, вкравшіеся при перепискѣ, и такимъ образомъ возстановить, по возможности, подлинный текстъ перевода. Кардиналь Питра открылъ

наконецъ и третій списокъ того-же перевода, но этотъ списокъ находится въ частномъ владѣннн и не доступенъ научному изслѣдованію. По словамъ открывшаго, онъ впрочемъ не имѣетъ особеннаго значенія, и потому его недоступность не представляется для науки какою-либо существенною потерей.

Сличивъ тщательно между собою Корвейскій и Гарлэйскій манускрипты, сопоставивъ ихъ съ отрывками греческаго подлинника и другими сохранившимися памятниками, англійскій ученый Свить приступилъ въ послѣднее время къ печатному изданію Теодоровыхъ толкованій на посланія ап. Павла. Первый томъ этого изящнаго изданія, напечатаннаго въ Кэмбриджской университетской типографіи, появился въ мартѣ 1880 года, а второй и послѣдній—въ маѣ прошедшаго. Образцово-тщательное изложеніе самаго текста толкованій снабжено въ обоихъ томахъ множествомъ ученыхъ примѣчаній, при чемъ къ первому тому приложены еще фотографическіе снимки манускриптовъ и обширное ученое введеніе, излагающее исторію открытія латинскаго перевода Теодоровыхъ толкованій и разрѣшающее разные вопросы, необходимо возникшіе по поводу этого открытія. Въ настоящемъ очеркѣ мы сочли не лишнимъ познакомить съ содержаніемъ этого введенія людей, интересующихся новостями богословской науки.

Въ основу Свитова изданія положены прежде всего отрывки греческаго подлинника Теодоровыхъ толкованій изданные Крамеромъ въ *Catenaе Graecorum Patrum*. Но издатель пользовался не печатнымъ сборникомъ Крамера, а самымъ манускриптомъ, хранящимся въ Парижѣ и извѣстнымъ подъ именемъ: *Codex Coislinianus*. Манускриптъ этотъ содержитъ въ себѣ рядъ толкованій на всѣ посланія ап. Павла, начиная съ посланія къ Галатамъ, и по времени происхож-

денія своего относится къ XI вѣку. Толкованія, приводимыя въ этомъ сборникѣ, принадлежатъ многимъ различнымъ авторамъ, имена которыхъ указываются составителемъ въ особыхъ припискахъ, какъ наприм. при толкованіяхъ на посланія къ Ефесеямъ, Филипійцамъ, Колоссянамъ и Филимону, или же просто на поляхъ, противъ самыхъ толкованій. Свои заимствованія составитель сборника главнымъ образомъ дѣлаетъ изъ произведеній четырехъ антиохійскихъ толкователей: Евсевія, Златоуста, Северіана и Теодора Мопсуэстскаго, причемъ, по количеству приводимыхъ выдержекъ, Теодоръ занимаетъ въ сборникѣ второе мѣсто, послѣ Златоуста, и изъ его толкованій можно насчитать здѣсь около 130-ти извлеченій.

Первый изъ списковъ латинскаго перевода Теодоровыхъ толкованій, употребленный при изданіи Свита,—это *Codex Ambianensis* или *Corbeiensis*, т. е. тотъ самый Корвейскій манускриптъ, который послужилъ основою для трудовъ Якоби и Горта. Кодексъ этотъ представляетъ собою второй изъ тѣхъ двухъ томовъ, которые были описаны Бенедиктинцами—издателями Амвросія. Оба тома эти принадлежали сперва Корвейскому аббатству св. Петра, гдѣ и находились до конца XVIII-го вѣка, потомъ они перенесены были въ Аміанъ и хранятся теперь тамъ въ мѣстной общественной библіотекѣ. Къ изданію Свита имѣетъ отношеніе собственно только одинъ второй томъ этого манускрипта, заключающій въ себѣ толкованія на посланія ап. Павла, начиная съ посланія къ Галатамъ и оканчивая посланіемъ къ Филимону. По времени происхожденія своего этотъ кодексъ относится нѣкоторыми изслѣдователями къ IX-му вѣку, но Свистъ сомнѣвается въ этомъ и скорѣе склоненъ думать, что онъ написанъ не ранѣе X-го вѣка.

Второй списокъ латинскаго перевода, положенный

въ основу Свитаго изданія,—это открытый недавно проф. Гортонъ, Codex Harleianus или Cusanus, принадлежавшій первоначально госпиталю св. Николая, близъ Кузы, на Мозель, а потомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими манускриптами, сдѣлавшійся достояніемъ Британскаго музея. Кодексъ этотъ, относящійся несомнѣнно къ IX-му вѣку, не имѣетъ начала; онъ начинается на полу-словѣ толкованіемъ 17-го стиха 1-й главы 2-го посланія къ Коринѳянамъ и затѣмъ продолжается непрерывно по порядку посланій ап. Павла, оканчиваясь, какъ и Корвейскій, посланіемъ къ Филимону. Можно думать, что утраченное начало кодекса заключало въ себѣ не иное что, какъ Амвросіастъ на первыя два Павловы посланія, такъ какъ съ полу-слова начинающееся толкованіе на второе посланіе къ Коринѳянамъ есть именно точное воспроизведеніе того толкованія, которое извѣстно съ именемъ Амвросія. Начиная съ посланія къ Галатамъ и до конца, кодексъ заключаетъ въ себѣ, какъ и Корвейскій, переводъ толкованія Θεодора Мопсуэстскаго.—Подробное сличеніе разночтеній обоихъ кодексовъ приводитъ нашего издателя къ тому заключенію, что эти манускрипты совершенно независимы другъ отъ друга, т. е. Корвейскій, позднѣйшій по происхожденію, не можетъ быть признанъ списаннымъ съ Гарлэйскаго, и нельзя даже допустить, чтобы оба они были списаны съ одного оригинала. Несомнѣнное-же сходство ихъ между собою даетъ лишь основаніе предполагать, что кодексы эти, по выраженію Свита, не родныя, а двоюродныя сестры между собою, т. е. списаны съ двухъ независимыхъ манускриптовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ одному общему оригиналу. Что касается сравнительнаго достоинства обоихъ кодексовъ, то Гарлэйскій, хотя и болѣе ранній, изобилуетъ по-

грѣшностями въ большей степени, нежели Корвейскій.

Въ дополненіе къ этимъ тремъ главнымъ документамъ, Свить пользовался еще при своемъ изданіи толкованіемъ Рабана Мавра, напечатаннымъ въ Кёльнѣ въ 1626 году. Аббатъ Фульдскаго монастыря и затѣмъ архіепископъ Майнцскій, Рабанъ Мавръ написалъ *Enarrationes* на посланія Апост. Павла, и въ этомъ произведеніи, оконченномъ около 842 г., помѣстилъ, между прочимъ, извлеченіе изъ толкованій Θεодора Моцсуэтскаго, начиная съ посланія къ Филиппійцамъ, подъ именемъ Амвросія. Латинскій текстъ того перевода, который приводится у Рабана, во многомъ разнится отъ Гарлэйскаго и Корвейскаго кодексовъ и, по предположенію Свита, относится къ болѣе раннему, сравнительно съ ними, времени. — На тщательномъ изученіи всего указаннаго нами матеріала и основано Свитово изданіе латинскаго перевода, Θεодоровыхъ толкованій.

Первый вопросъ, неизбѣжно возникающій по поводу издаваемого перевода, состоитъ, конечно, въ томъ, насколько близокъ онъ къ своему оригиналу и служить ли онъ дѣйствительнымъ отображеніемъ подлинника. Сравнивая этотъ переводъ съ сохранившимися отрывками греческаго подлинника, нельзя, конечно, не замѣтить въ немъ иногда нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ иныхъ случаяхъ переводчикъ, очевидно не такъ понимая мысль подлинника, передаетъ её латинскими словами, не соотвѣтствующими дѣйствительности. (*δὸν ἐπισκόπου* — *coepiscopis*. Филип. I, 1). Иногда, вмѣсто перевода, онъ представляетъ парафразъ или измѣняетъ конструкцію подлинника. Иногда является неразборчивымъ въ выборѣ союзовъ, переводя напр. *δέ* — *nam* (Ефес. III, 19) или *ἄρ* — *autem*. (1 Тим. III, 2). Обычные его недостатки:

а) постоянное употребленіе перифразы съ глаголами *videor* и *possum*, (*γεγράφηκεν* — *videtur scripsisse*)
 б) усиленіе мысли подлинника произвольными добавленіями, (*μετὰ σπουδῆς* — *cum summa diligentia*, *σὺν ἡδονῇ* *cum omni alacritate*.) в) отсутствіе единства въ употребленіи словъ равнозначащихъ. (*ἐκλαμβάνειν* — *accipere* и *suscipere*; *νομοθεσία* — *legislatio* и *definitio*; наоборотъ — *μεταβολή* и *ἐναλλαγή* — *mutabilitas*; *φρατρία* и *σύστημα* — *congregatio* и т. п.). Но всѣ эти недостатки не настолько значительны, чтобы унижить общее достоинство перевода, основная задача котораго состояла, очевидно, въ томъ, чтобы представить полное и, по возможности, дословное воспроизведеніе подлинника съ вѣрнымъ и точнымъ выраженіемъ его мысли. Въ виду именно такой задачи, переводчикъ часто не считаетъ себя достаточно компетентнымъ, чтобы окончательно рѣшить, какое латинское слово наиболѣе пригодно въ извѣстномъ случаѣ для передачи мысли подлинника, и ставитъ два слова рядомъ, предоставляя рѣшеніе вопроса самому читателю. (*διάστημα* — *prolixitas* vel *distantia*; *πατρία* — *patria* vel *paternitas* и т. д.). Если сложное слово подлинника не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ въ языкѣ латинскомъ, переводчикъ раздѣляетъ его на составныя части и передаетъ нѣсколькими словами, чтобы только точнѣе передать мысль автора. (*ἀντιπαρεστήσειν* — *discutere... conferens*; *ἐναποτιθέναι* — *menti imprimere* и т. д.). Та-же погоня за точностію и какъ можно большею близостію къ подлиннику заставляетъ, наконецъ, переводчика часто удерживать въ переводѣ и самый порядокъ словъ оригинала, конечно, къ ущербу правильности латинскаго языка, но за то къ вѣщему убѣжденію изслѣдователя въ томъ, что переводъ Θεодоровыхъ толкованій служитъ въ данномъ случаѣ близкимъ отображеніемъ утраченнаго оригинала.

Чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, когда сдѣланъ былъ латинскій переводъ Θεодоровыхъ толкованій, Свить прежде всего старается съ достовѣрностію опредѣлить, въ какіе вѣка и у какихъ писателей можно найти несомнѣнныя данныя, указывающія на существованіе въ ихъ время этого перевода. Изъ изслѣдованій Свита мы приведемъ здѣсь лишь то, что намъ представляется наиболѣе важнымъ.

Въ интересныхъ письмахъ своихъ, представляющихъ собою нѣчто въ родѣ предисловія къ толкованіямъ на Павловы посланія, Рабанъ Мавръ, между прочимъ, свидѣтельствуешь, что онъ и его сотрудники, составляя свой сборникъ, дѣлали извлеченія прямо изъ твореній тѣхъ толкователей, которыми они пользовались, и что православіе всѣхъ этихъ толкованій, за исключеніемъ лишь одно Оригена, сомнѣнію не подлежитъ. Зная что въ Рабановомъ сборникѣ очень многое представляетъ собою латинскій переводъ толкованій Θεодора и принимая во вниманіе слова писемъ Рабана, издатель съ несомнѣнностію заключаетъ, что въ Фульдскомъ аббатствѣ существовалъ списокъ латинскаго перевода Θεодоровыхъ толкованій и что списокъ этотъ носи т имя не Θεодора, а Амвросія. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ IX столѣтія латинскій переводъ Θεодоровыхъ толкованій уже существовалъ и употреблялся въ Германіи.

Ученый Ирландецъ, Седулій Скоттъ, въ своихъ „Collectanea“ на посланія Ап. Павла дважды приводитъ толкованія Амвросія, а именно: на Римл. VI гл. 6 ст. и на Галат. IV, 25. Въ первомъ случаѣ выдержка заимствуется имъ изъ Амвросіаста, а въ послѣднемъ — изъ толкованій Θεодора, а потому несомнѣнно, что у него подъ руками былъ манускриптъ подобный Корвейскому или Гарлэйскому,

т. е. такой, въ которомъ, подъ именемъ Амвросія, соединены были Амвросіастъ на первыя Павловы посланія и Θεодоровы толкованія—на остальные. Не легко только опредѣлить, къ какому вѣку слѣдуетъ отнести дѣятельность этого Седулія Скотта. Есть основанія видѣть въ Седуліи—комментаторѣ дѣятеля начала IX вѣка. Монфоконъ въ своей „Palaeographia graeca“ описываетъ одинъ манускриптъ греко-латинской псалтири, несомнѣнно относящійся къ IX вѣку, а на этомъ манускриптѣ имѣется надпись такого рода: „στυδάλιος—σκόττος—εγὼ—εγραφα“. Кромѣ того, трактатъ „De rectoribus christianis“, напечатанный въ Spicilegium Romanum кард. Мая, приписывается Седулію, а манускриптъ этого трактата носитъ на себѣ ясныя слѣды своего происхожденія въ эпоху Карла Великаго и Людовика Благочестиваго. Если такъ, то Седулій жилъ въ началѣ IX вѣка и былъ, какъ предполагаютъ, однимъ изъ тѣхъ ирландскихъ ученыхъ, которые привлечены были ко двору Карла Великаго славою Алкуина.—Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ предположеніи, что дѣятельность Седулія относится къ началу VIII вѣка. Въ History of the Writers of Ireland Уора, изданной Гаррисомъ въ 1764 году, упоминается о манускриптѣ, существовавшемъ тогда въ Испаніи и содержавшемъ въ себѣ произведеніе подъ такимъ заглавіемъ: „Concordantia Hispaniae atque Hiberniae a Sedulio Scoto genere Hiberniensi et Episcopo Oretensi“. Случаемъ къ написанію этого произведенія послужило слѣдующее обстоятельство: Седулій, приобрѣтшій себѣ репутацію своими толкованіями на Еванг. отъ Матѳея и посланія Ап. Павла, посланъ былъ папою въ Испанію, въ качествѣ епископа Оретскаго (въ Толедской провинціи), чтобы уладить нѣкоторыя разногласія, волновавшія тамошній клиръ. Но испанцы не

хотѣли признать вмѣшательства иностранца, по поводу чего Седулій и написалъ свою книгу, въ которой доказывалъ, что Ирландскій народъ имѣетъ первоначально общее съ испанцами происхождение. Нашествіе Мавровъ скоро уничтожило епархію Седулія, и онъ возвратился въ Римъ, гдѣ папа далъ ему титулярное епископство въ Англии. Въ этомъ именно санѣ Седулій принималъ участіе въ римскомъ соборѣ 721 года, на актахъ котораго дѣйствительно имѣется подпись „Sedulius, Episcopus Buitanniae de genere Scotorum“. Ничего невѣроятнаго въ этомъ разсказѣ, передаваемомъ писателемъ достовѣрнымъ, не имѣется, такъ какъ дѣйствительно предъ нашествіемъ Мавровъ въ испанскомъ клирѣ были серьезныя разногласія, вызванныя образомъ дѣйствій короля Витицы, а если такъ, то латинскій переводъ Θεодоровыхъ толкованій на посланія Ап. Павла былъ извѣстенъ на западѣ подъ Амвросіевымъ именемъ еще въ началѣ VIII вѣка. Если, такимъ образомъ, авторомъ толкованія признать именно этого Седулія, дѣятельность котораго относится къ началу VIII вѣка, то происхождение латинскаго перевода Θεодорова толкованія нужно отнести ко времени между началомъ пятаго вѣка (последняя половина жизни и дѣятельности Θεодора Мопсуэстскаго) и началомъ VIII вѣка, когда переводъ уже является въ употребленіи.

Обращаясь къ ислѣдованію вопроса о томъ, кто былъ творцомъ латинскаго перевода, Свистъ прежде всего замѣчаетъ, что переводчика естественно искать не въ средѣ горячихъ оппонентовъ Θεодора или вообще лицъ строго-православныхъ, которые не могли, конечно, сочувственно относиться къ распространенію въ обществѣ произведенія, осужденнаго церковію, а скорѣе въ средѣ людей, болѣе или менѣе ему сочувствовавшихъ. Въ пользу этой мысли много говорятъ,

между прочимъ, и то обстоятельство, что переводъ пущенъ былъ въ обращеніе не подъ именемъ Θεодора, а или совсѣмъ анонимно, или прикрытый именемъ Амвросія, въ чемъ ясно проглядываетъ желаніе дать ходъ воззрѣніямъ Θεодора, не рискуя вооружить читателя противъ произведенія именемъ его настоящаго автора. Люди, не расположенные къ Θεодору, не имѣли никакихъ побужденій скрывать его имя, и Марій Меркаторъ напр. приводя изрѣдка выдержки изъ толкованій Θεодора, всегда ясно называетъ его по имени. Если такъ, то нужно думать, что переводчикъ Θεодора принадлежалъ къ числу лицъ, не относившихся къ нему враждебно; но кто именно былъ онъ,—на этотъ счетъ можно настроить много одинаково вѣроятныхъ предположеній.

Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Θεодору Мопсуэстскому пришлось, между прочимъ, сблизиться съ послѣдователями Пелагія, которые, будучи изгнаны изъ Италіи, искали себѣ пріюта у него. Среди этихъ пелагіанъ, которымъ далъ у себя убѣжище Θεодоръ, былъ и ученый грекъ, Юліанъ, пламенный почитатель Θεодоровыхъ произведеній, а также и диаконъ Аніанъ, котораго признають переводчикомъ Златоустовыхъ бесѣдъ на Маттея и др. Тотъ и другой, а равно и другіе сторонники тѣхъ-же взглядовъ, пріютившіеся у Θεодора, легко могли принять на себя и выполнить задачу перевода его толкованій.

Если переводчикъ не былъ ближайшимъ послѣдователемъ Пелагія, то онъ легко могъ найдтись въ средѣ людей того направленія, которое развилось потомъ на югѣ Франціи и заняло среднее положеніе между взглядами Пелагія и Августина. По словамъ Горта, весьма вѣроятно, что этого переводчика нужно искать въ монастыряхъ южной Галліи, сочувствовавшихъ полупелагіанизму ихъ основателя—Кассіана.

Восточное образованіе Кассіана и его уваженіе къ Златоусту естественно пролагали путь въ Галлію и произведеніямъ Θεодора.

Споръ о трехъ главахъ, наконецъ, неизбежно долженъ былъ и на западѣ возбудить интересъ къ произведеніямъ осуждаемаго еретика. Епископы Иллиріи и Аквилей, на первыхъ парахъ, возставали противъ осужденія Θεодора, не касаясь еще вопроса объ его православіи; но папы Вигилій и Пелагій 2-й уже обращаются къ самымъ произведеніямъ Θεодора. Римскій діаконъ Рустикъ пишетъ или намѣревается писать трактатъ, въ которомъ долженъ былъ имѣть мѣсто разборъ отличительныхъ особенностей богословской системы Θεодора, основанный на извлеченіяхъ изъ его сочиненій. Въ сѣверной Африкѣ, гдѣ эдиктъ Юстиніана съ самаго начала встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе, повидимому особенное вниманіе обращено было на тѣ творенія, которыя навлекли на память Θεодора гнѣвъ императора. Правда, Африканскій епископъ Понтіанъ въ письмѣ къ Юстиніану (546 г.) признается, что эти творенія до сихъ поръ почти неизвѣстны его соотечественникамъ; но въ слѣдующіе два года Факундъ, находясь въ Константинополѣ, уже старательно дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія и затѣмъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, жалуется даже на набрежность переводчиковъ (*incuria translatorum*), ясно тѣмъ свидѣтельствуя, что въ то время существовали уже нѣкоторыя попытки передать хотя часть сочиненій Θεодора на латинскомъ языкѣ. Самого Факунда едва-ли возможно считать переводчикомъ разсматриваемыхъ толкованій, такъ какъ въ его книгѣ совсѣмъ не встрѣчается ссылокъ на ту именно часть Θεодорова комментарія, какая имѣется въ извѣстныхъ намъ кодексахъ, и, кромѣ того, самый текстъ Павловыхъ посланій, при-

водимый въ книгѣ Факунда, совсѣмъ не тотъ, какой мы видимъ въ нашемъ переводѣ. Если Факундъ самъ не переводилъ Θεодоровыхъ толкованій, то, съ другой стороны, очень возможно, что именно онъ доставилъ въ Африку списокъ этихъ толкованій на посыланія къ Галатамъ и послѣдующія, а, какъ скоро списокъ былъ доставленъ, за переводчикомъ уже дѣло не стало. Кареагенскій діаконъ Либерать, епископы Примазій и Викторъ, а также юристъ Юнилий и другіе имъ подобныя охотно могли принять на себя и выполнить эту задачу.

Сходство христологіи испанскихъ адопціанистовъ съ нѣкоторыми положеніями Θεодора Мопсуэстскаго навело Неандера на мысль, что Феликсъ Ургельскій стоялъ подъ вліяніемъ Θεодора, сочиненія котораго ему могли быть извѣстны въ латинскомъ переводѣ. Ничего нѣтъ невозможнаго и въ томъ предположеніи, что переводъ этотъ сдѣланъ былъ въ самой Испаніи въ періодъ, предшествовавшій волненіямъ адопціанизма. Теодискъ, преемникъ Исидора Севильскаго, былъ, какъ извѣстно, низложенъ и изгнанъ за то, что училъ „что Господь Нашъ не есть Богъ, Единый со Отцемъ и Духомъ Святымъ, а скорѣе усыновленъ Имъ“. По свидѣтельству лѣтописца, этотъ предтеча партіи Феликса былъ по происхожденію грекъ и знатокъ многихъ языковъ, и его, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что онъ искажилъ посмертныя произведенія своего предшественника и въ такомъ измѣненномъ видѣ распространялъ ихъ въ арабскомъ переводѣ. Такой человѣкъ, конечно, легко могъ пустить въ обращеніе толкованія Θεодора подъ именемъ Амвросія, а его греческое происхожденіе и знаніе языковъ, соединенное съ долговременнымъ пребываніемъ на западѣ, дѣлали его вполне способнымъ для осуществленія такой задачи.

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ предположеніямъ, то оказывается, что переводчика Θεодоровыхъ толкованій можно искать съ одинаковою, повидимому, вѣроятностію и въ пятомъ, и въ шестомъ, и въ седьмомъ вѣкѣ; при чемъ онъ могъ быть и пелагіаниномъ, и полупелагіаниномъ, и оппонентомъ Юстиніанова эдикта и, наконецъ, предтечею испанскихъ адонціанистовъ. Чтобы избрать изъ этихъ предположеній наиболѣе вѣроятное, нужно обратиться къ внутреннимъ свойствамъ самаго перевода. Языкъ этого перевода носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды настолько поздняго типа, что нѣтъ никакой возможности признать его происшедшимъ отъ пелагіанина или полупелагіанина, вообще писателя ранѣе VI-го вѣка. Тотъ-же языкъ съ достаточною ясностію указываетъ и на мѣсто происхожденія перевода; онъ изобилуетъ такими словами и формами, которыя составляютъ характеристическую особенность африканскаго діалекта. Въ подтвержденіе этой мысли Свистъ представляетъ цѣлый долгій перечень такихъ мѣстныхъ — африканскихъ особенностей латинскаго языка, встрѣчающихся въ переводѣ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сопоставляетъ ихъ съ такими-же примѣрами особенностей, заимствованными изъ твореній другихъ африканскихъ писателей, каковы: Апулей, Тертуллианъ и Кипріанъ. Наконецъ, и факты изъ исторіи церкви VI-го вѣка подтверждаютъ отчасти предположеніе объ африканскомъ происхожденіи перевода. Во второй половинѣ шестаго вѣка сѣверо-африканская церковь переживала кризисъ, который весьма благопріятствовалъ появленію въ ней перевода Θεодоровыхъ толкованій. Въ это время многіе изъ сѣверо-африканскаго клира и даже нѣкоторые изъ образованныхъ мірянъ терпѣли гоненіе, тюремное заключеніе и ссылку ради Ивы, Θεодорита и Θεодора Ни-

сколько не удивительно и даже вполне естественно, что люди, терпѣвшіе за прославленнаго комментатора, изучали его творенія, и что въ ихъ средѣ нашелся человѣкъ, который захотѣлъ оправдать свою приверженность къ Θεодору въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлавъ его толкованія для нихъ доступными, посредствомъ перевода ихъ на латинскій языкъ. Желаніе распространить, по возможности, толкованія уважаемаго учителя по всему западно-христіанскому міру побудило переводчика воспользоваться и именемъ великаго на западѣ Амвросія, чтобы подъ его надежнымъ прикрытіемъ удобнѣе достигнуть желаемой цѣли. Основываясь на приведенныхъ соображеніяхъ, Свить предполагаетъ, что переводъ сдѣланъ былъ именно въ сѣверной Африкѣ въ періодъ времени между обнародованіемъ Юстиніанова эдикта и смертію императора, т. е. между 544 и 565 г. Что-же касается самой личности переводчика, то въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ данныхъ для болѣе или менѣе опредѣленнаго рѣшенія. Противъ Факунда, Юнилія и Примазія, какъ творцовъ перевода, имѣются сильныя возраженія, а о другихъ африканскихъ аппонентахъ эдикту мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы составить какое-либо мнѣніе. Неровности перевода даютъ, повидимому, основаніе предполагать, что это былъ первый и можетъ быть единственный трудъ писателя, недостаточно опытнаго, а смѣшеніе особенностей церковнаго языка съ понятіями, заимствованными изъ обычной практики права, одинаково даетъ возможность видѣть въ переводчикѣ и епископа и юриста, обратившагося къ помощи пера, когда уста были заграждены строгостію императора.

Изученіе латинскаго перевода Θεодоровыхъ толкованій на посланія Ап. Павла даетъ изслѣдователю

возможность сказать нѣсколько словъ и объ утраченномъ оригиналѣ, а также составить себѣ и болѣе ясное представленіе о самомъ авторѣ этихъ толкованій, какъ о комментаторѣ и богословѣ вообще.

Дѣятельность Θεодора, какъ толкователя, началась очень рано. Первый трудъ, съ которымъ онъ выступилъ въ богословской литературѣ своего времени, принадлежалъ именно къ этой области, — это было толкованіе на книгу Псалмовъ. Леонтій съ насмѣшкою приводитъ извѣстіе о томъ, что Θεодоръ съ 18-ти лѣтъ началъ изъяснять Священное Писаніе. Хотя это извѣстіе и преувеличено, но несомнѣнно, что первый экзегетическій трудъ Θεодора относится къ тому времени, когда онъ не былъ еще епископомъ (т. е. ранѣе 392 г.), а можетъ быть и пресвитеромъ (т. е. ранѣе 382 г.). Что касается времени происхожденія Θεодоровыхъ толкованій на посланія Ап. Павла, то латинскій переводъ ихъ даетъ достаточныя основанія полагать, что этотъ трудъ былъ однимъ изъ позднѣйшихъ въ ряду экзегетическихъ трудовъ Θεодора. Изъ словъ самого Θεодора мы узнаемъ, что толкованія его на Павловы посланія написаны позднѣе другихъ его толкованій, напр. на Евангелія, такъ какъ на нихъ здѣсь онъ уже ссылается. Изъ содержанія этихъ толкованій можно видѣть, что авторъ ихъ знакомъ уже былъ съ такими произведеніями Златоуста, Северіана и Пелагія, которыя указываютъ на время, никакъ не ранѣе перваго десятилѣтія пятаго вѣка. Самая полнота и зрѣлость богословской системы Θεодора, насколько она выразилась въ этихъ толкованіяхъ, указываетъ на позднее ихъ происхожденіе. Наконецъ, есть здѣсь нѣкоторыя намеки на то, что Θεодоръ, въ эпоху написанія этихъ толкованій, уже возбуждалъ къ себѣ нѣкоторыя подозрѣнія, можетъ быть своими симпа-

тіями къ пелагіанской партіи, что указываетъ на время, не ранѣе 415-го года.

На основаніи преданія или, можетъ быть, свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ сирскаго перевода Θεодоровыхъ твореній, Ебедіезу утверждаетъ, что толкованія на посланія Ап. Павла написаны Θεодоромъ по требованію шести его друзей, а именно: толкованіе на посланіе къ Римлянамъ адресовано было нѣкому Евсевію, къ Коринѳянамъ — Θεодору; толкованія на посланія къ Галатамъ, Ефесеямъ, Филипційцамъ и Колоссянамъ были вызваны Евстратіемъ, къ Солунянамъ — Іаковомъ, къ Тимоѳею — Петромъ, къ Титу, Филимону и Евреямъ — Кириномъ. Свидѣтельство это отчасти подтверждается и словами самого Θεодора, который во вступленіи къ толкованію на посланіе къ Филимону, между прочимъ говоритъ: „quod maxime etiam ipse a nobis disseri postulasti“. Если такъ писались Θεодоровы толкованія, то необходимо, конечно, предположить, что они появлялись на свѣтъ раздѣляемыя другъ отъ друга нѣкоторымъ промежуткомъ времени. Изъ взаимныхъ ссылокъ толкованій другъ на друга можно видѣть, что писались они въ томъ порядкѣ, въ какомъ обычно поставляются посланія Ап. Павла, за исключеніемъ посланія къ Евреямъ, толкованіе на которое написано было Θεодоромъ однимъ изъ первыхъ, вмѣстѣ съ посланіемъ къ Римлянамъ.

По отзыву Фотія, языкъ Θεодора Мопсуэстскаго страдаетъ многими недостатками; онъ отличается темнотою, многословіемъ, отсутствіемъ граціи и даже грубостію. Длинные періоды, частое употребленіе вносныхъ знаковъ, привычка постоянно повторяться и пристрастіе къ причастіямъ—все это производитъ на читателя не особенно пріятное впечатлѣніе. Такой отзывъ сдѣланъ былъ Фотіемъ на основаніи лишь

Θеодорова толкованія на книгу Бытія и нѣкоторыхъ его полемическихъ произведеній. Изучивъ толкованіе на малыхъ пророковъ, Фритцше нашель у Θеодора и еще недостатокъ, а именно: пристрастіе къ оригинальнымъ словамъ и оборотамъ. Существованіе всѣхъ этихъ недостатковъ вполнѣ подтверждается и латинскимъ переводомъ Θеодоровыхъ толкованій на посланія ап. Павла, что еще убѣждаетъ насъ въ чрезвычайной близости перевода къ подлиннику. Причину указанныхъ недостатковъ въ языкѣ Θеодора Свить прежде всего видитъ во вліяніи на него его учителя, ритора Ливанія. Характеризуя языкъ Ливанія, Фотій, безъ всякаго желанія и даже мысли сопоставлять учителя съ ученикомъ, указываетъ въ немъ именно тѣ-же недостатки, какіе отличали и языкъ Θеодора. Но главную причину этихъ недостатковъ Свить ищетъ у Θеодора гораздо глубже. По его мнѣнію, языкъ въ данномъ случаѣ отображаетъ на себѣ всѣ тѣ свойства, которыя отличаютъ и самый складъ мысли Θеодора, такъ что и богословская система Мопсуэстскаго епископа изобилуетъ тѣми-же несовершенствами, какъ и его языкъ.

Характеризуя Θеодора, какъ толкователя, Фритцше замѣчаетъ, что хотя онъ вообще и имѣлъ успѣхъ въ изясненіи Новаго Завѣта, но толкованія его на Павловы посланія есть наименѣе удовлетворительный изъ трудовъ его въ этой области. Геній Θеодора оказался неспособнымъ проникнуть въ сложную аргументацію и глубокое догматическое ученіе апостола Павла. Его толкованіе посланій скорѣе грамматическое, чѣмъ богословское, и какъ богословъ-толкователь онъ уступаетъ пальму первенства своему другу, Златоусту.

Этотъ отзывъ, сдѣланный болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, основывался почти исключительно на тѣхъ

отрывкахъ, какъ сохранились въ Крамеровомъ сборникѣ, такъ какъ въ цѣльномъ видѣ ни одно изъ экзегетическихъ произведеній Θεодора, касавшихся Павловыхъ посланій, не было тогда доступно научному изслѣдованію. Въ настоящее время изъ четырнадцати толкованій Θεодора на посланія ап. Павла десять, въ полномъ видѣ, имѣются въ рукахъ изслѣдователя, что по всей вѣроятности, составляетъ по крайней мѣрѣ половину всего Θεодорова комментарія на Павловы посланія. При такихъ, существенно видоизмѣнившихся условіяхъ, вопросъ о Θεодорѣ, какъ толкователѣ апостола Павла, естественно можетъ и долженъ быть подвергнутъ новому изслѣдованію, такъ какъ перемѣна условій можетъ повліять на измѣненіе и самага рѣшенія.

Обращаясь къ изслѣдованію характеристическихъ свойствъ Θεодора, какъ толкователя Павловыхъ посланій, Свить находитъ, что

1) Θεодоръ обращаетъ особенное вниманіе на самый языкъ посланій. Онъ старательно выясняетъ силу и значеніе употребляемыхъ апостоломъ союзовъ и предлоговъ (*μενοῦντες* Рим. X, 18; *ἵνα*—Галат. III, 14; *ἐν*—Колос. I, 16; *διὰ*—I Θεссал. IV, 14 и др.) обращаетъ вниманіе на пунктуацию, предлагая иногда новый порядокъ, измѣняющій и самый смыслъ рѣчи. (Римл. VI, 21; Галат. III, 19; Еф. II, 11 и др.), Онъ неутомимъ въ своихъ стараніяхъ уловить точный смыслъ словъ и выраженій, различаетъ синонимы (2 Тим. III, 2—4 и др.), разбираетъ различные смыслы, придаваемые апостоломъ одному и тому же слову (*νόμος*, *πνεῦμα*, *σὰρξ*), углубляется въ разъясненіе особенныхъ, часто трудныхъ, опредѣленій Павловой терминологіи (*πνευματικός*, *ἀλλογροία*, *μυστήριον*, *πλήρωμα* и т. д.). Съ особеннымъ успѣхомъ онъ выясняетъ часто значеніе въ томъ или другомъ выра-

женіи словъ подчиненныхъ, держась того убѣжденія, что въ писаніяхъ апостола Павла нѣтъ ни одного слова, которое было бы употреблено безъ особеннаго смысла и не имѣло бы своего значенія для уясненія мысли всего выраженія. (πνεῦματος — Галат. VI, 18; ἔργον — 1 Тим. III, 1). Онъ искренно благоговѣть предъ апостоломъ и это благоговѣніе иногда возвышается до энтузіазма, изливаясь въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ (напр. Галат. III, 29 и особенно Филим. 9), но оно не мѣшаетъ ему признать суровую краткость Павлова стиля и его темноту, происходящую отъ одновременнаго выраженія многихъ великихъ мыслей. Онъ поставляетъ наконецъ своей задачей указывать и характеристическія особенности Павловой рѣчи какъ напр. частое употребленіе вносныхъ знаковъ, пылкое „μή γένοιτο“, смѣшеніе несомвѣстимыхъ метафоръ, краткая, отрывочная форма многихъ выраженій и т. д. (Галат. II, 17; III, 13—14; Ефес. VI, 11—12; и др.).

2) Сила Θεодора, какъ толкователя, обнаруживается впрочемъ главнымъ образомъ не столько въ грамматической и лексической, сколько въ логической сторонѣ его комментарія, такъ какъ, углубляясь въ изслѣдованіе языка Павловыхъ посланій, онъ видитъ въ этомъ лишь средство къ тому, чтобы лучше уяснить тѣ мысли, для которыхъ языкъ служитъ выраженіемъ. Для осуществленія своей главной задачи, толкователь прежде всего предпосылаетъ каждому посланію *argumentum*, т. е. введеніе, особенно богатое содержаніемъ и пространнымъ предъ толкованіями на посланія къ Ефесеямъ и къ Филимону. Въ этихъ введеніяхъ говорится о поводѣ къ написанію посланія, о цѣли его, въ краткихъ чертахъ указывается планъ расположенія мыслей въ посланіи, а иногда дѣлается сравненіе его съ какимъ-либо дру-

гимъ. родственнымъ ему по содержанию, съ указаніемъ пунктовъ сходства и различія между ними. Въ самомъ ходѣ толкованія часто дѣлается краткое резюме сказаннаго и затѣмъ чертится планъ того, что будетъ слѣдовать далѣе. Θεодоръ усиленно заботится о томъ, чтобы связный ходъ мыслей, нить его толкованія отнюдь не прерывалась до тѣхъ поръ, пока не окончится самое посланіе, а потому почти каждый параграфъ толкованія начинается указаніемъ связи его съ предшествовавшимъ изложеніемъ. Благодаря этому, читатель никогда не теряетъ изъ виду единство и связь въ ходѣ мыслей, что большею частію невозможно въ такихъ краткихъ толкованіяхъ, какъ Θεодорово. Наиболѣе трудныя и темныя мѣста Павловой аргументаціи Θεодоръ старается изложить всегда съ возможно большею подробностію, не всегда, конечно, съ одинаковымъ успѣхомъ, но за то съ несомнѣннымъ стараніемъ овладѣть мыслию апостола.

3) Стремленіе выяснить какъ можно основательнѣе содержаніе того или другаго посланія часто побуждаетъ Θεодора вдаваться въ указаніе и разъясненіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, имѣющихъ къ нему отношеніе. Онъ утверждаетъ, напр., что посланія къ Ефесеямъ и Колоссянамъ были написаны къ такимъ церквамъ, которыя Павелъ предварительно не имѣлъ случая посѣтить, и такое заключеніе приводитъ его къ убѣжденію, что посланіе къ Ефесеямъ должно быть отнесено къ группѣ раннѣйшихъ посланій ап. Павла. Онъ высказывается въ пользу того мнѣнія, что Павелъ два раза былъ въ Римѣ и два раза находился тамъ въ заключеніи. Онъ касается вопроса о посланіи „отъ Лаодикии“, признавая, что такое посланіе было дѣйствительно написано лаодикійцами къ апостолу Павлу. Онъ разъясняетъ, наконецъ, разныя явленія изъ церковной жизни перваго

времени христіанства, распространяясь, напр., о бѣдности іерусалимской церкви, о положеніи женщинъ въ первенствующей церкви, о христіанскихъ рабахъ того времени, объ учрежденіи церковей Ефесской и Колосской, о размѣрѣ, послѣдствіяхъ и прекращеніи духовныхъ даровъ, о постепенномъ возвышеніи епископата и объ усвоеніи титула епископовъ высшимъ служителямъ церкви, о возникновеніи гностицизма во времена апостольскія и т. д. И не только въ область исторіи углубляется Θεодоръ; онъ изобильно снабжаетъ свои толкованія замѣчаніями по географіи, археологіи, обрядамъ и литературѣ, строго подчиняя впрочемъ всѣ эти второстепенныя объясненія главной задачѣ своего труда—уясненію мыслей апостола.

4) Не мало основательнаго знакомства съ практической жизнью и съ свойствами человѣческой природы вообще обнаруживаетъ Θεодоръ въ своихъ толкованіяхъ, стараясь при случаѣ изъ жизни церкви первенствующей извлечь уроки и для своего времени. По поводу Галат. VI, 10 ст. и Фил. I, 18, онъ возстаетъ, напр., противъ духа преслѣдованія съ одной стороны и латитудинаріанізма съ другой. Аллегорическое объясненіе апостоломъ Ветхаго Завѣта (Галат. IV, 24) даетъ ему случай къ нападеніямъ на ложный аллегоризмъ школы Оригена. Апостольское предписаніе, чтобы епископъ былъ единыя жены мужемъ, сопровождаетъ онъ долгимъ разсужденіемъ о господствовавшемъ въ его время взглядѣ на второй бракъ. Павлово привѣтствіе Филимону онъ противопоставляетъ тому высокомѣрью, которое отличало нѣкоторыхъ высшихъ членовъ клира его времени. Рѣчи апостола объ отношеніяхъ между господами и рабами даютъ ему случай вооружаться противъ современнаго ему ложнаго либерализма, покушающагося разрушить установленный Богомъ общественный порядокъ.

5) Съ точки зрѣнія богословской Θεодоровы толкованія, правда, поражаютъ нерѣдко своею глубиною и тѣмъ живымъ интересомъ, съ какимъ толкователь относится къ истинамъ христіанскаго откровенія, но этотъ интересъ большею частію чисто разсудочнаго свойства, а потому въ такихъ мѣстахъ какъ Римл. VIII, 38—39 или Ефес. III, 14, Θεодорово толкованіе оказывается сухимъ и недостаточнымъ. Но главный недостатокъ Θεодора, какъ толкователя, заключается въ его тенденціозности. Умъ Θεодора до такой степени находился подъ вліяніемъ его собственной, своеобразной богословской системы, что и въ Павловыхъ посланіяхъ постоянно читалъ между строками. Это дѣлалось, конечно, не сознательно, даже съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что толкователь строго руководится лишь мыслию апостола, но въ результатъ выходило, что онъ навязываетъ апостолу свои собственные мысли. Какъ на примѣръ такого отношенія къ словамъ апостола можно указать на изъясненіе 10-го стиха 4-й главы посл. къ Ефесеямъ, гдѣ Θεодоръ прямо говоритъ, что слова: *ὁ καταβάς αὐτός ἐστιν καὶ ὁ ἀναβάς* не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, или на толкованіе первой главы посланія къ Колоссянамъ ст. 13 и слѣд., гдѣ Θεодоръ утверждаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ „усыновленіи“, что *ἐν αὐτῷ* указываетъ на второе или духовное твореніе и что *πλήρωμα*, обитающая во Христѣ, есть церковь—тѣло Его. Такая тенденціозность много уменьшаетъ общее достоинство Θεодоровыхъ толкованій.

6) Что касается, наконецъ, критики текста Павловыхъ посланій, то это одинъ изъ слабѣйшихъ пунктовъ Θεодора. Текстъ, которому онъ слѣдуетъ, правда, не лучший и не худшій изъ тѣхъ, какіе употреблялись его современниками антиохійской шко-

лы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ Златоустомъ и Θεодоритомъ, но въ выборѣ того или другаго чтенія онъ допускаетъ полный произволь, обусловливая этотъ выборъ единственно своимъ личнымъ расположеніемъ.

По мнѣнію Свита, Θεодоръ принадлежитъ къ числу толкователей наиболѣе независимыхъ. Въ своемъ трудѣ онъ очень часто полемизируетъ, не называя по имени, и съ Оригеномъ, и съ Златоустомъ, и съ Северіаномъ, и съ Пелагіемъ, и почти всегда составляетъ свое собственное мнѣніе, нисколько не боясь остаться въ этомъ случаѣ одинокимъ. Конечно, въ тѣхъ или другихъ частностяхъ онъ, весьма вѣроятно, подпадалъ невольнo вліянію кого-либо изъ толкователей, но это вліяніе было слишкомъ ничтожно, чтобы оставить по себѣ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ. Даже съ другомъ своимъ Златоустомъ, несмотря на много сходнаго, Θεодоръ очень часто разнится весьма существенно, а иногда является и прямо противоположнымъ. Если кому и можно приписать нѣкоторую долю вліянія на Θεодора, какъ толкователя Павловыхъ посланій, то только Діодору и Пелагію. Первый изъ нихъ могъ дѣйствовать на Θεодора и устными уроками своими, и письменными толкованіями. Во времена Иеронима еще существовали его комментаріи на посланія апостола Павла, уничтоженные вполнѣ влѣдствіи аріанскою нетерпимостію. Немногіе отрывки этихъ комментарій сохранились въ Крамеровомъ сборникѣ и могутъ быть поставлены въ сравненіе съ соотвѣтствующими толкованіями Θεодора. Изъ этого сравненія можно убѣдиться, что Θεодоръ иногда усвоилъ идеи Діодора, но переработывалъ ихъ до такой степени, что онѣ являлись у него уже съ явнымъ отпечаткомъ его личной мысли. Въ такомъ же отношеніи Свитаъ поставляетъ Θεодора

отчасти и къ Пелагію, съ которымъ у него было не мало сходства въ догматическихъ воззрѣніяхъ. Съ своей стороны и Θεодоръ, какъ толкователь, нашелъ себѣ почитателя и послѣдователя въ лицѣ Θεодорита.

Открытіе полнаго перевода Θεодоровыхъ толкованій на десять меньшихъ посланій апостола Павла ничего не прибавило въ наукѣ для характеристики его догматической системы. Эта система была уже и прежде достаточно выяснена на основаніи сохранившихся отрывковъ его толкованій на книгу Бытія, Евангелія и Посланіе къ Римлянамъ, трактата о воплощеніи и др. произведеній, а также на основаніи показаній его враговъ. Настоящее открытіе даетъ лишь возможность провѣрить прежде установившіяся мнѣнія и, восполнивъ существовавшіе пробѣлы, представить систему Θεодора въ болѣе послѣдовательномъ и цѣльномъ видѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою не свидѣтельство лицъ постороннихъ и не случайные отрывки, а непрерывную рѣчь самого толкователя, при чемъ самый предметъ его труда заставляетъ его неизбѣжно коснуться почти всѣхъ важнѣйшихъ догматовъ христіанскаго ученія.

В. Соколовъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru